

Чжоу Цзыцянь улыбнулся и сказал:

— Молодец.

После завтрака, как обычно, пришел старейшина Лю, который ежедневно навещал их. Осмотрев пациента, старый врач деликатно намекнул, что, несмотря на улучшение состояния и здоровый вид, лекарства нельзя бросать надолго.

Е Тао кивнул в ответ. Тело его было слишком слабым, и без лекарств никак нельзя было обойтись. Однако он никак не мог привыкнуть к этим горьким отварам. Раньше он был здоровым человеком и не был привередлив в еде, но сейчас даже малейшая горечь казалась ему невыносимой. Возможно, это просто вопрос привычки? Со временем, может быть, станет легче.

Вечером, вернувшись из школы, Чжоу Юньян, как обычно, заглянул к нему. Увидев, что цвет лица Е Тао стал лучше, чем вчера, он, казалось, обрадовался даже больше самого пациента. Держа его лицо в ладонях, он поцеловал и с улыбкой спросил:

— Баобао, что ты хочешь на день рождения?

Баобао — это детское прозвище Чжоу Юньси. Даже Чжоу Цзыцянь называл его так лишь изредка. Чжоу Юньян, вероятно, боялся, что дядя заметит что-то неладное, поэтому в присутствии других всегда называл его Юньси.

— Можно выбрать что угодно? — спросил Е Тао с равнодушным выражением лица.

Он никак не мог изобразить сладкую радость. Хотя этот юноша был высоким и приятным на вид, ему, в конце концов, было всего семнадцать или восемнадцать лет. У Е Тао не было ни желания, ни сил заниматься романтикой с подростком.

— Все, что я смогу достать, выбирай что хочешь.

— Мобильный телефон, — сказал Е Тао, размышляя о том, что в комнате Чжоу Юньси даже нет стационарного телефона.

Вероятно, из-за слабого здоровья и особенностей характера он не нуждался в таком устройстве. Поэтому он добавил:

— Сидеть в комнате скучно. Выбери мне телефон с полным набором функций, чтобы я мог играть в игры.

— Это, пожалуй, невозможно, — сказал Чжоу Юньян, который только что хвастался, что выполнит любое желание.

Теперь же на его лице появилось выражение затруднения.

— В прошлый раз ты тайком играл в игры до поздней ночи, и дядя очень разозлился. Тебе нельзя трогать ни компьютеры, ни телефоны. Выбери что-то другое.

— Ладно, тогда выбирай сам, — сказал Е Тао, поправив воротник и тем самым отдалившись от собеседника.

В глазах Чжоу Юньяна мелькнула странная эмоция, но она быстро исчезла, уступив место мягкости и заботе:

— Ты устал?

— Да, немного. Хочу прилечь.

— Тогда отдохни. Я не буду тебя беспокоить.

Чжоу Юньян встал, поправил подушку за спиной Е Тао, уложил его и укрыл одеялом, после чего вышел из комнаты.

Прошел еще один день, прежде чем Е Тао разрешили выйти из комнаты и прогуляться по двору. Усадьба семьи Чжоу была приобретена после культурной революции. Это был трехчастный двор, сохранивший свою основную структуру после ремонта, хотя главное здание было немного изменено. Взгляду открывались кирпичные стены, украшенные резьбой, и крыша с изящной черепицей. Такие усадьбы, не относящиеся к культурным памятникам и не превращенные в частные клубы, в столице встречались редко.

В прошлом считалось, что северная сторона — самая почетная. Главное здание в центральном дворе, обращенное на юг, должно было быть жилищем старшего поколения. Однако матушка Чжоу, страдавшая от потери старшего сына, умерла, не дожив до шестидесяти. У старшего Чжоу было заболевание легких, и он не выносил загрязненного воздуха столицы, поэтому несколько лет назад переехал в Хуэйчжоу, чтобы провести там остаток жизни. В доме не было старших, поэтому Чжоу Цзыцянь и его племянник заняли главное здание в центральном дворе. Восточный и западный флигели имели по три комнаты, перед которыми были построены галереи. Двор был вымощен кирпичом, в центре стоял расписной сосуд с изображением лотоса, а также каменный стол и скамьи. Посаженные вокруг гранатовые деревья должны были создавать прекрасный вид весной и летом, когда они расцветали.

Е Тао, чувствуя себя немного лучше, не рисковал долго находиться на улице, поэтому, прогулявшись по двору, вернулся в комнату. Слуга принес ему чай с женьшенем и закуски. Внутренний двор обслуживали три слуги: мужчина средних лет, которого называли дядюшка Чжоу, родственник семьи, управлявший всеми делами в доме; женщина лет сорока, ловкая и умелая, которую все звали сестрица Ма; и молодой человек по имени Сяо Чэн, самый молодой из троих, с приятным детским лицом, который был проворным и внимательным в работе, но обладал одним недостатком — обжорством. Однако его хозяин ел очень мало, поэтому Сяо Чэн, который был стройным и подвижным, когда только пришел в дом, за три года превратился в такого же подвижного, но уже упитанного молодого человека.

Е Тао открыл две кондитерские, поэтому он с первого взгляда мог определить, кто настоящий гурман. Он хорошо понимал психологию таких людей: настоящие любители вкусной еды, независимо от возраста, пола или социального статуса, всегда старались попробовать что-то новое. Если им не удавалось это сделать, они могли долго сожалеть об упущенной возможности.

Е Тао взял чай и сказал:

— Нет аппетита, унесите это.

Сяо Чэн кивнул, спросил, не нужно ли еще чего-то, и, получив отрицательный ответ, унес закуски.

Е Тао смотрел на упитанную фигуру, удаляющуюся из комнаты, с непонятным чувством. Его тело было слишком слабым, и ему не разрешали выходить из дома, поэтому ему нужен был человек, который мог бы выполнять поручения. Этот человек не должен был быть слишком

умным — умники слишком изворотливы и их трудно контролировать. Но и слишком глупым он тоже не должен был быть — глупцы неудобны в обращении.

Скоро должен был наступить день рождения Чжоу Юньси. По логике, для такого дорогого молодого мастера должны были устроить праздник, даже если это не было пышным банкетом. Однако Чжоу Юньси был болезненным, и в доме избегали шума, поэтому гости приходили редко. Даже если кто-то и приходил, они не заходили во внутренний двор. На день рождения Чжоу Юньси просто собрались трое: дядя и два племянника.

После ужина Чжоу Юньян вернулся в свой двор. Он жил в заднем флигеле третьего двора. По старым традициям, задний флигель был местом для женщин, которые не должны были показываться на публике. Во дворе был пруд с лотосами и два дерева хайтан, которые летом создавали более красивый вид, чем в центральном дворе. Однако двор был глубоким, и жителей было мало, поэтому он казался холодным и пустынным.

Чжоу Юньян не сразу пошел в свою комнату, а зашел в восточный флигель с подносом. Лежавшая на кровати Сюй Маньнин открыла глаза, услышав звуки. Чжоу Юньян поставил поднос на деревянный столик у кровати и сказал:

— Мама, вставай, поешь.

Сюй Маньнин, опираясь на матрас, села и с легким недовольством спросила:

— Почему так поздно?

— У Юньси день рождения, я вчера говорил, что задержусь...

— Поняла, — прервала его Сюй Маньнин, протянув руки, чтобы сын помог ей сесть на край кровати.

Взглянув на еду на подносе, она снова нахмурилась:

— Почему лапша?

— Это праздничная лапша для Юньси, не принести ее было бы неправильно. Если не хотите есть, оставьте. Я уже заказал другое, скоро принесут.

Чжоу Юньян, говоря это, зашел в ванную и намочил горячее полотенце для матери.

У Сюй Маньнин были проблемы с ногами, поэтому Чжоу Цзыцянь назначил крепкую служанку, чтобы та ухаживала за ней. Хотя служанка старалась, она была немного грубовата, и Сюй Маньнин не любила, чтобы она заходила в комнату без надобности.

— Разве он не был серьезно болен? Как у него нашлось время на день рождения? — спросила Сюй Маньнин, вытирая лицо и поправляя пряди волос на лбу.

В молодости она была красавицей, с изящными чертами лица и мягким характером, но сейчас ее лицо было желтым и изможденным, а на лбу застыла мрачная складка, образовавшаяся из-за постоянного хмурого выражения.

— В последние дни ему стало лучше, — аккуратно ответил Чжоу Юньян.

Сюй Маньнин не стала комментировать:

— Садись, поешь со мной.

Чжоу Юньян принес стул и сел за стол. Вскоре слуга из переднего двора принес еду. Служанка, ухаживающая за Сюй Маньнин, приняла еду, поставила на стол и вышла.

Е Тао за ужином съел немного больше. Хотя Чжоу Цзыцянь хотел, чтобы племянник ел больше, он также боялся, что его нежный желудок не выдержит, поэтому приказал приготовить чай из ячменя для улучшения пищеварения и лично принес его в комнату Е Тао.

Е Тао, только что поев, не мог сразу лечь спать, поэтому сидел за чайным столиком и вел непринужденную беседу с Чжоу Цзыцянем. Чжоу Цзыцянь, казалось, был в хорошем настроении. За ужином он немного выпил, и его губы стали более яркими, а мужественное лицо приобрело расслабленное выражение.

— Дядя, когда потеплеет, можно я выйду прогуляться?

— Только немного окреп, а уже хочешь гулять. Что тебя так тянет на улицу?

Чжоу Цзыцянь ожидал, что племянник начнет капризничать, но вместо этого Е Тао лишь задумался, а затем посмотрел в окно с мечтательным и немного грустным выражением.

<http://bllate.org/book/17687/1650169>